

Глава 43: Открой рот и покажи мне

Проходя мимо рисовой лапши, овощей и мяса, Шэнь Цзицзе вновь набил тележку продуктами. Когда они вышли из супермаркета, у обоих в руках были полные пакеты.

В сотне метров от них был припаркован общественный автомобиль, увидев его, Шэнь Цзицзе спросил Лу Жуна: "Тяжело? Просто подожди меня здесь, я пригоню машину."

Лу Жун, хотевший сказать, что ему тяжело, внезапно вспомнил, что он теперь телохранитель, быстро отказался: "Это не тяжело, я не ребенок, неужели тебе нужно напоминать об этом?"

Шэнь Цзицзе слегка прищурился и оглядел его с головы до ног, затем достал свой телефон, несколько раз нажав на него. Внезапно у Лу Жуна зазвонил телефон: "Кто меня ищет? Кто ищет моего милого маленького ребёнка?"

Шэнь Цзицзе потряс перед ним своим телефоном, подразумевая, что его мелодия детская.

Лу Жун быстро достал свой телефон и повесил трубку, объяснив Шэнь Цзицзе: "Это не я устанавливал рингтон, его установила для меня одноклассница."

Думая о его словах, изначально игривое выражение лица Шэнь Цзицзе медленно изменилось, он повернулся и направился в сторону машины.

Он высокий с длинными ногами, без особых усилий может быстро донести эти две большие сумки с продуктами. Лу Жун семенил позади, с трудом поспевая за ним, пакет в его руке с грохотом скручивался.

Посмотрев на недовольного Шэнь Цзицзе, Лу Жун подумал, что ему просто не понравилась мелодия на его телефоне, он поспешно проговорил: "Если тебе не нравится мой рингтон, я поменяю его, когда вернусь."

Шэнь Цзицзе действительно слегка затормозил, шаги замедлились.

Лу Жун поспешно зашагал рядом с ним, щурясь и улыбаясь ему.

"Ты сменишь эту мелодию?" — Шэнь Цзицзе взглянул на него.

Лу Жун подумал про себя: "Что не так с мелодией? Просто поменяю её."

Но его голос звучал искренне: "Пока мой гэгэ недоволен, я поменяю понравившуюся мелодию, независимо от того, насколько сильно она мне нравится."

Шэнь Цзицзе остановился, схватил его за щеку одной рукой и потряс: "Льстец," — но его лицо выглядело намного лучше.

Они вдвоем подошли к переднему автомобилю, положив пакеты на заднее сиденье, Шэнь Цзицзе завел мотор.

Лу Жун сидел на пассажирском сидении, наблюдая, как по обе стороны от него мелькают цветы и деревья, вдруг услышал: "Ты был таким с детства, когда открываешь рот, произносишь ласковые речи."

"Что? Мои слова искренни, — Лу Жун понимал, что он имел в виду его фразу в супермаркете. — Каждую мою фразу можно вновь произнести в горном храме Лунцюань перед статуей Бодхисаттвы."

Когда Шэнь Цзицзе услышал эту фразу о Бодхисаттве, внезапно вспомнил об их поклоне, выражение его лица стало мягче, и он улыбнулся.

"Тогда что не так с мелодией звонка на твоём телефоне? Почему одноклассница выбрала её для тебя? У вас хорошие отношения? У неё даже есть пароль от твоего телефона," — спросил он, притворяясь непринужденным.

Лу Жун достал свой телефон, взял руку Шэнь Цзицзе, лежавшую на руле, и нажал кнопку блокировки. Экран телефона загорелся, и замок разблокировался.

"Смотри, блокировка моего телефона сломана, любой может её разблокировать, — Лу Жун снова убрал телефон и сказал одними губами, — я даже не знаю, когда она оказалась за тем же столом, что и я, и сменила мой рингтон."

"Вот как," — Шэнь Цзицзе ничего не сказал об этом, только быстро постучал пальцами по рулю.

Лу Жун пробормотал: "Но я хочу сменить мелодию звонка, это действительно неудобно."

Шэнь Цзицзе взглянул на него с улыбкой и сказал: "Я думаю, что эта мелодия вполне подходит, а вот телефон можно заменить."

Лу Жун: ???

Увидев, что вернулись обратно, они припарковали машину и вдвоём, взяв пакеты, направились ко входу в лифт. Шэнь Цзицзе сказал: "Подойди сюда, протяни руку, я отсканирую твои отпечатки пальцев."

Лу Жун поставил сумку и послушно протянул руку, предварительно сняв отпечатки пальцев, вошел в лифт.

В тихом лифте они стояли бок о бок. Лу Жун, уставившись на отражение Шэнь Цзице в двери лифта, прошептал: "Ты только что сказал, что дашь мне хорошенько подумать. Сколько времени мне потребуется на это? Я уже ясно всё обдумал."

Шэнь Цзице смотрел прямо перед собой, как будто ничего не слышал.

"Ты должен указать крайний срок, хорошо? Невозможно постоянно думать об этом," — Лу Жун поджал губы и пробормотал.

Шэнь Цзице по-прежнему не издал ни звука, только поменял руки с двумя пакетами.

Лу Жун шагнул к нему и, когда уже собирался положить голову на плечо Шэнь Цзице, обнаружил, что тот смотрит на него искоса, он отступил на шаг, разинув рот.

Он тихо и обиженно спросил: "Ты слышал историю Цинь Сянляня и Чэнь Шимэя (1)?"

(Это персонажи из оперы "Цинь Сянлянь". По сюжету Чэнь Шимэй бедный учёный, который собирается сдать императорский экзамен (действия происходят во времена династии Сун — 960-1279), женат на любящей, заботливой женщине Цинь Сянлянь. Она заботится о его старых родителях и маленьких детях, пока тот готовится. Когда Шимэй сдаёт экзамен на «образца для подражания», император даёт ему должность при дворе и свадьбу с сестрой императора. Шимэй, не думая, соглашается на свадьбу, скрыв, что уже в браке. Тем временем дома бродит голод, умирают родители Шимэя, а Цинь с детьми в бедственном положении отправляются в столицу, чтобы найти Чэнь. Тот, отправляет убить их, чтобы скрыть от императора свой брак, но человек, которого он послал, кончает жизнь самоубийством. Поняв, что муж охладел к ним, Цинь идёт к судье и рассказывает обо всем. В конечном итоге Шимэй был казнён)

Лифт с лязгом остановился, Шэнь Цзице вышел первым, а Лу Жун последовал за ним, спрашивая: "Ты слышал историю Цинь Сянляня и Чэнь Шимэя? Это история о том, как жена отправилась на поиски своего мужа, но тот её не узнал."

Шэнь Цзице поставил пакет на пол и, выхватив из рук Лу Жуна другой пакет, взглянул на него и тихо сказал: "Есть много драм."

Он наклонился, достал из обувного шкафа тапочки и присел на корточки, положив их к ногам Лу Жуна: "Переобуйся."

Лу Жун посмотрел на тапочки и подошел к пакету, стоявшему рядом с ним: "Я положил в тележку пару таких же тапочек, как у тебя, я хочу надеть их."

"Поищи, — Шэнь Цзицзе отнес пакеты в комнату, положив их на стол, повернулся и пошел в ванную. — Я весь вспотел, мне нужно принять ванну, как можно скорее."

"Хорошо," — Лу Жун опустил голову в поисках тапочек, ответив односложно.

Шэнь Цзицзе, раздевшись, встал под душ, поднял голову, позволяя воде аккуратно литься на его лицо, а затем по гладким мышцам.

Он выдавил немного шампуня себе на голову, и как только она начала пениться, услышал, как за дверью раздавались звуки гонгов, барабанов, цимбал, а затем и струн эрхи.

Шэнь Цзицзе на мгновение замер. Когда он собирался спросить, Лу Жун ли это стоит за дверью, он услышал нежный женский голос, который пропел: "С самого детства я была со своим мужем Чэнь Шимэем, с детства мы любили друг друга в спальне..."

Лу Жун прислонился к двери ванной с телефоном в руках, проигрывая отрывок из пекинской оперы «Дело об обезглавливании девицы», который он только что нашел.

"Я помню, когда ты уходил на экзамен, я плакал от горя при расставании. Тысячи слов казались тяжёлыми, высокопоставленные чиновники не оставляли сорняков..."

"Гэгэ, ты слышал? По телевизору также показывают фильмы," — спросил он, стоя у дверей ванной.

Шэнь Цзицзе проигнорировал его и продолжил мыть голову.

"Ну как? Разве это не хорошо звучит?" — Лу Жун, повернувшись, осторожно постучался в дверь ванной.

Шэнь Цзицзе начал смывать все под водой, по-прежнему молча, только улыбаясь.

В ванной снова послышался шум воды, но хотя Лу Жун и не получил ответа, не рассердился. Он терпеливо стоял у двери со своим телефоном, время от времени напевая несколько слов.

Через некоторое время шум воды прекратился, дверь ванной открылась, и оттуда хлынул горячий воздух.

На Шэнь Цзицзе был только халат, его грудь была широко открыта, капли воды скатывались по его сильным мышцам, его мокрые волосы свисали вниз. Он стоял в дверях, тупо глядя на него.

Лу Жун поспешно выключил телефон, печальный и жалобный женский голос исчез, и в

комнате мгновенно воцарилась тишина.

"Если тебе нечем заняться, иди приготовь ужин. Что ты здесь делаешь?" — Шэнь Цзицзе опустил глаза, чтобы посмотреть на него.

Лу Жун потряс своим телефоном и пристально посмотрел на него: "Гэгэ, хорошо ли звучала пекинская опера? Мой дедушка часто слушает ее."

Шэнь Цзицзе беспечно сказал: "Звучит не очень хорошо, я о таком не слышал. Иди и приготовь что-нибудь."

Лу Жуну пришлось пойти на кухню, он отошёл от него немного, а затем повернулся и проговорил: "Гэгэ, позволь мне сказать тебе, что в конце концов Чэнь Шимэй был казнён."

На его лице сияла милая улыбка, когда Шэнь Цзицзе протянул руку и равнодушно развернул его.

Несколько больших пакетов с недавно купленными продуктами, так и не были разобраны, они вдвоем начали наводить порядок. Шэнь Цзицзе разложил предметы первой необходимости в две спальни по отдельности, а Лу Жун разложил все остальное на кухне по категориям.

Ингредиенты были убраны в холодильник, специи — в специальную подставку, убрав всё, он встал у двери кухни и выглянул наружу.

Шэнь Цзицзе снова сидел на балконе и просматривал сценарий, откинувшись на спинку кресла, он задрал ноги, очевидно, в ожидании ужина. Ему пришлось вернуться на кухню, собраться с духом и начать готовить.

Он открыл упаковочный пакет с новым фартуком, вытащил его и встряхнул, обнаружив, что он был розово-голубой с большим карманом посередине и оборками по краям.

Шэнь Цзицзе выбирал фартук, и у Лу Жуна не было выбора. Хотя фартук показался ему немного странным, ему оставалось только завязать его.

"Жун-Жун, я хочу съесть маньчжурские грибы со свиной, рис с сосисками и суп, просто томатно-яичный суп. Это простой ужин."

Голос Шэнь Цзицзе, отдававший приказ, донесся со стороны балкона.

Лу Жун сходил в кладовку, взял кусочек свинины, сунул его под кран и тщательно вымыл. Повторив это несколько раз, он положил её на тарелку.

Где кухонный нож? Где кухонный нож?

Он огляделся и наконец нашел на краю стола кухонный нож, с которого не была снята защитная пленка.

Левой рукой он держал свинину, а правой неловко поднимал кухонный нож, когда тот уже собирался упасть, кто-то одной рукой поймал его за запястье, другой взял кухонный нож.

Шэнь Цзицзе встал рядом с ним, слегка прищурившись, и оглядел его с головы до ног, незаметно приподняв уголки рта, проговорил: "Фартук хорошо сидит."

Не дожидаясь, пока Лу Жун издаст хоть звук, он торжественно произнес: "Ты даже не можешь порезать что-то. Если этот нож упадет, не будет ли кухня залита кровью? Я ни разу не готовил на этой кухне, она не может быть принесена в жертву твоему ножу."

Сказав это, он встал перед разделочной доской и быстро разрезал свинину на три части. Лу Жун воспользовался этой возможностью, чтобы направиться к двери и уйти.

"Не уходи, — у Шэнь Цзицзе, казалось, были глаза на спине. — Остайся и посмотри."

Лу Жуну пришлось остановиться.

"Иди сюда, встань рядом со мной."

Он снова послушно встал рядом с Шэнь Цзицзе.

Шэнь Цзицзе, поставив сковородку на огонь, положил в неё свинину, разрезанную на три части, промыл рис и положил его в посуду готовиться, посыпав нарезанными кубиками колбасы. Когда вода закипела, он взял небольшую горсть маньчжурских грибов и закинул их в воду, а затем начал нарезать помидоры.

Лу Жун с некоторым благоговением наблюдал за его умелыми движениями и не удержался от вопроса: "Когда ты научился готовить?"

Шэнь Цзицзе открыл крышку сковороды и перевернул приготовленную внутри свинину: "После окончания средней школы я жил один, так что, естественно, я научился это делать."

"Гэгэ, ты действительно потрясающий, — глаза Лу Жуна были полны восхищения. — Я научусь готовить как можно скорее."

"Будет неплохо, уровень моей готовки средний."

Увидев, что он переоделся из халата в свободную домашнюю одежду, Лу Жун снял фартук и уже хотел завязать его на нём.

Шэнь Цзицзе взбивал яйца, и Лу Жун взял фартук, чтобы обернуть его вокруг талии. Краем глаза тот заметил что-то розово-голубое. После секундного замешательства он быстро отошел в сторону и сказал: "Нет, мне не нужен фартук."

Его уклончивое движение было слишком очевидным, Лу Жун подумал, что он не хочет, чтобы он к нему прикасался, его глаза потемнели, и он медленно убрал руку.

Увидев выражение его лица, Шэнь Цзицзе объяснил, помешивая яйца миксером: "У меня просто нет привычки носить фартук."

Лу Жун слегка приподнял глаза и тихо пробормотал: "Ты лжешь, ты просто не хочешь, чтобы я прикасался к тебе."

Руки Шэнь Цзицзе продолжали взбивать, и он сказал: "Ты даже не веришь в то, что сказал твой гэгэ."

"Я просто не верю в это, — Лу Жун искоса посмотрел на него. — Тогда, ты позволишь мне прикоснуться к тебе?"

Видя, что Шэнь Цзицзе не возражает, он поднял руку и медленно потянулся, наблюдая за выражением лица Шэнь Цзицзе.

Выражение лица Шэнь Цзицзе было спокойным, он помешивал яичную смесь, как будто вовсе не принимал его слова близко к сердцу. Лу Жун пристально посмотрел на него, резко протянул руку, дотронувшись до него.

Шэнь Цзицзе задрожал всем телом и внезапно метнулся в сторону, чаша в его руке чуть не опрокинулась.

"Смотри! Я только прикоснулся к тебе, и вот как ты реагируешь!" — обиженно завопил Лу Жун.

Шэнь Цзицзе повернул голову и прошипел: "Я.. это условный рефлекс! Как можно холодно реагировать, когда кто-то трогает тебя за подмышки? Почему бы мне не попробовать на тебе?"

Лу Жун поджал губы и сказал: "Тогда давай ещё раз, я потрогаю в другом месте."

Шэнь Цзицзе вылил яичную жидкость на сковороду, сказав: "Иди отсюда, не путайся у меня под ногами."

Лу Жун печально сказал: "Ты заставил меня стоять здесь."

"Я сожалею об этом."

Лу Жун медленно выходил из кухни и вновь остановился, дойдя до двери. Он внезапно развернулся и бросился к Шэнь Цзицзе, обнял его за шею и крепко поцеловал в плечо, прежде чем тот успел среагировать.

Поцелуй!

Поцелуй был настолько поспешным, что он прикусил себя за губу. Лу Жун, наплевав на боль, развернулся и выбежал после поцелуя, звук тапочек доносился до самого балкона.

Лопатка Шэнь Цзицзе чуть не упала на пол, он поспешно подхватил её в воздухе. Он продолжил готовить с невозмутимым видом и, несколько раз помешивая яйца, беззвучно смеялся.

За ужином Лу Жун ел гораздо медленнее и не пил суп, поданный Шэнь Цзицзе.

"Тебе не по вкусу еда? Все еще не голоден?" — спросил Шэнь Цзицзе.

"Это вкусно, очень вкусно," — Лу Жун поспешно отправил рис в рот, но тут же снова скривился от боли.

"В чем дело?"

"Ничего страшного, просто кожа на губе повредилась и немного болит," — нерешительно произнес Лу Жун.

Шэнь Цзицзе отложил палочки для еды, подошел, вздернул его подбородок, проговорив: "Открой рот и покажи мне."

Лу Жун проглотил еду, которую жевал, прежде чем открыть рот.

Шэнь Цзицзе посмотрел на ярко-красную ранку на внутренней стороне его нижней губы, нахмурился и немного расстроено спросил: "Почему ты случайно прикусил губу?"

Лу Жун моргнул, глядя на него слезящимися глазами, но ничего не ответил, постепенно его лицо покрылось розовыми пятнами.

Шэнь Цзицзе не мог не удивиться, увидев его безмолвный вид, он отреагировал, поспешно

отпустил его руку и направился в гостиную: "Я пойду поищу какое-нибудь лекарство."

Приняв лекарство и поужинав, Лу Жун взял на себя инициативу помыть посуду. Выйдя, он увидел Шэнь Цзицзе, сидящего на диване и читающего сценарий в освещенной комнате.

Уезжая из дома в столицу, он каждый вечер разговаривал по видеозвонку с дедушкой Цаем, ведя себя кокетливо, сообщая, что он в безопасности. Он посмотрел на время, в это время обычно проводится видеозвонок. Видя, что Шэнь Цзицзе сосредоточен на чтении сценария, он взял свой телефон и пошел в спальню.

Видео было подключено, и в кадре появилось лицо деда Цая.

"Дедушка~"

Дедушка Цай сначала с улыбкой посмотрел на Лу Жуна, сказав, что он снова похудел, а затем осознал, что его окружение изменилось.

"Жун-Жун, где ты? Разве ты не должен быть в доме Ли Суна?"

На заднем плане больше не было односпальной кровати и деревянного окна наполовину стены, а есть очень качественная кожаная спинка дивана и высококачественные обои. Даже если дед Цай не разбирается в вещах, он видит, что здесь гораздо роскошнее, чем в доме Ли Суна.

Лу Жун загадочно улыбнулся: "Дедушка, угадай."

"Дитя, дедушка ни за что не догадается."

Лу Жун положил свой телефон на подлокотник дивана, лег сам и с улыбкой сказал: "Я дома у своего гэгэ."

"Гэгэ..." — дедушка Цай знал, что если Лу Жун звал кого-то "гэгэ", то обязательно добавлял перед этим имя. Например, Ли Сун был Сун-гэ. И только, говоря просто "гэгэ", он подразумевал Шэнь Цзицзе.

"Жун-Жун, ты встретился с Сяо Цзе?" — дедушка Цай был удивлен и рад.

Он знал о печали Лу Жуна после разлуки с Шэнь Цзицзе, он был так расстроен, что искал кого-нибудь, кто бы знал Шэнь Яна, но, к сожалению, не смог найти.

Лу Жун поджал губы и кивнул, его глаза сузились в улыбке: "Дедушка, мой гэгэ попросил меня забрать тебя в гости."

Дед Цай махнул рукой и сказал: "Тогда не откладывай свою работу. Поговорим об этом позже."

"Не медли, дедушка, приезжай, — Лу Жун начал кокетничать. — Давай, давай, я заберу тебя."

"Да, дедушка, не медлите, мы с Жун-Жуном встретим вас," — внезапно в комнате раздался голос Шэнь Цзицзе, заставив Лу Жуна вздрогнуть.

Шэнь Цзицзе тоже наклонился к телефону и поздоровался с дедушкой Цаем и Сяо Гао на противоположной стороне. Лу Жун поспешно лег на внутреннюю часть дивана, а Шэнь Цзицзе сел с краю.

Они втроем болтали с большим интересом. Дед Цай спросил Шэнь Цзицзе о его недавней ситуации и, когда он узнал, что тот теперь снимается в фильмах, удивленно кивал снова и снова.

Лу Жун вновь представил его как Ан, сказав, что он был большой кинозвездой, эквивалентной ХХХ.

ХХХ — старый актер, и он имеет большой вес в сердце дела Цая. Лу Жун может использовать его только для описания текущих достижений Шэнь Цзицзе.

Дедушка Цай был потрясен еще больше и продолжал хвалить Шэнь Цзицзе и уговаривать Лу Жуна быть послушным, чтобы не доставлять ему неприятностей.

"Я знаю, что кинозвездам стоит быть осторожнее, чтобы не попасться не в том месте. Не создавай проблем своему гэгэ, Жун-Жун."

"Я знаю," — Лу Жун торжественно согласился.

Когда они закончили звонок, было уже поздно. Шэнь Цзицзе погладил его по затылку: "Ложись спать пораньше, завтра вместе пойдем в компанию."

"Хорошо," — Лу Жун перевернулся на другой бок и, держась за диванную подушку, уставился на Шэнь Цзицзе.

"Дай ка я посмотрю, стало ли лучше после применения лекарства," — Шэнь Цзицзе протянул руку и выпятил его нижнюю губу.

В комнате было очень тихо, их освещал оранжево-желтый свет. Шэнь Цзицзе, внимательно посмотрев на губы Лу Жуна, слегка нахмурился.

Поврежденная кожа стала темнее, чем в других местах, но после нанесения пудры она выглядела намного лучше, чем раньше. Он вздохнул с облегчением и уже собирался отпустить ее, когда встретился взглядом с Лу Жуном.

Лу Жун поднял голову и оказался совсем рядом с ним, пристально глядя на него своими большими глазами, его густые ресницы дрожали, а взгляд был беззастенчиво пристальным.

"Гэгэ..." — прошептал он.

Шэнь Цзицзе продолжал держать Лу Жуна за подбородок, смотря на него в течение двух секунд, затем отпустил его и сказал хриплым голосом: "Ложись спать пораньше, перестань играть, завтра будет чем заняться."

Сказав это, он выпрямился и широкими шагами вышел из комнаты.

Лу Жун сидел на диване со спутанными волосами и, глядя на закрывающуюся дверь, поджал губы.

Лязг!

В коридоре раздался сильный грохот, как будто что-то тяжелое упало на пол.

"В чем дело?" — Лу Жун внезапно выпрямился, готовый выйти посмотреть.

"Все в порядке, все в порядке, — Шэнь Цзицзе неуклюже поднял стоявшую рядом с ним подставку для цветов с горшками, но когда он поднимал её, поскользнулся ещё раз и чуть не упал: "Я просто кое-что опрокинул, все в порядке."

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326872>